

Учение Платона о вращении Земли и комментарий Аристотеля к этому учению

Джордж Гроте

**Plato's Doctrine Respecting the Rotation of
the Earth and Aristotle's Comment Upon
That Doctrine**

George Grote

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая учение Платона о вращении Земли и комментарий Аристотеля к этому учению

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Учение Платона о вращении Земли и комментарий Аристотеля к этому Учению

Автор: Джордж Гроте

Дата выхода: 7 августа 2012 г. [Электронная книга № 40439]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер Эд Брэндон в рамках онлайн-проекта Grote

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ДОКТРИНА ПЛАТОНА О ВРАЩЕНИИ
ЗЕМЛИ И КОММЕНТАРИЙ АРИСТОТЕЛЯ К ЭТОЙ ДОКТРИНЕ ***

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О ВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ И КОММЕНТАРИЙ АРИСТОТЕЛЯ К ЭТОМУ УЧЕНИЮ

ДЖОРДЖ ГРОТЕ, ЭСКВАЙР

ЛОНДОН:

ДЖОН МЮРРЕЙ, АЛБЕМАРЛ-СТРИТ.

1860.

Право на перевод зарезервировано.

ЛОНДОН: ИЗДАТЕЛЬСТВО WILLIAM CLOWES AND SONS, СТЭМФОРД-СТРИТ,
И ЧАРИНГ-КРОСС.

РАССМОТРЕНИЕ ТРЕХ СЛЕДУЮЩИХ ВОПРОСОВ:—

1. ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ЛИ ИЛИ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ УЧЕНИЕ О
ВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ В ПЛАТОНОВСКОМ "ТИМЕЕ"?

2. ЕСЛИ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ИЛИ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ, ТО В
КАКОМ СМЫСЛЕ?

3. КАКУЮ КОСМИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ ПЛАТОН ПРИПИСЫВАЕТ
ЗЕМЛЕ В "ТИМЕЕ"?

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нижеследующий документ изначально задумывался как пояснительная записка к платоновскому Тимею в работе, которую я сейчас готовлю о Платоне и Аристотеле. Интерпретируя, в отличие от других, широко обсуждаемый отрывок, в котором Платон описывает космическую функцию Земли, я счел необходимым изложить свои доводы в пользу этого нового взгляда. Но вскоре я обнаружил, что эти причины не укладываются в рамки заметки. Соответственно, я публикую их здесь в виде отдельной диссертации. Способ, которым было задумано вращение Земли, иллюстрирует научный характер эпохи Платона и аристотеля в отличие от последующего развития и совершенствования астрономии.

ПЛАТОН — О ВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ.

In Plato, *Timæus*, p. 40 B, we read the following words — Γῆν δὲ τροφὸν μὲν ἡμετέραν, εἰ λλομένην δὲ περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον φύλακα καὶ δημιουργὸν νυκτός τε καὶ ἡμέρας ἐμηχανήσατο, πρώτην καὶ πρεσβυτάτην θεῶν, ὅσοι ἐντὸς οὐράνου γεγόνασι. Я привожу текст в том виде, в каком он есть в издании Столлбаума.

Неясность этого отрывка убедительно подтверждается многочисленными разногласиями, которые он породил, как в древности, так и в наше время. Различные современники Платона (ἔνιοι — Аристотель. *De Coelo*, II. 13, стр. 293 b. 30) понимали это как утверждение или подразумевающее вращательное движение земли в центре Космоса и придерживались этой доктрины как своей собственной. Сам Аристотель ссылается на этих современников, не называя их по имени, и принимает их интерпретацию отрывка; но не соглашается с доктриной и продолжает оспаривать ее аргументами. Цицерон упоминает (*Academic* II. 39), что были люди, которые полагали, что Платон туманно указал на ту же доктрину в своем "Тимее": несомненно, имеется в виду этот отрывок. Плутарх посвящает важную главу исследованию того, какова была истинная доктрина Платона относительно космической функции земли — ее движения или покоя (*Quaestion. Платоник. VII. 3*, стр. 1006.)

Существует целый трактат, в дорическом диалекте, право Τίμαιω Περί τῷΛόκῳ Ψυχῆς Κόσῳ καὶ Φύσιος, который публикуется наряду с трудами Платона. В древности предполагалось, что этот трактат является подлинным произведением локрийского Тимея, которого Платон представляет в качестве своего представителя в так называемом диалоге. Как таковой, он считался большим авторитетом в решении вопросов толкования платоновского "Тимея". Но современные критики единодушно придерживаются мнения, что это произведение какого-то более позднего пифагорейца или платониста, выдержанное или скопированное из платоновского "Тимея". Этот трактат представляет землю находящейся в центре и находящейся в состоянии покоя. Но его язык, помимо того, что он темный и метафоричный, сильно отличается от фразеологии платоновского Тимея: особенно в том, что в нем нет упоминания ни о космической оси, ни о слове λλομένην или εἰ λουμένην.

Александр Афродизийский (как мы узнаем из Симпликия и Аристота. *De Coelo*, fol. 126) следовал построению Платона, данному Аристотелем. "It was improbable (he said) that Aristotle could be ignorant either what the word signified, or what was Plato's purpose" (ἀλλὰ τῷ Ἀριστοτέλει, φησὶ ν, οὕτω λέγοντι ἴλλεσθαι, οὐκ εὔλογον ἀντιλέγειν· ὡς ἀληθῶς γὰρ οὔτε τῆς λέξεως τὸ σημαίνονμενον εἰς κὸς ἦν ἀγνοεῖ ν αὐτὸν, οὔτε τὸν Πλάτωνος σκοπόν. Этот отрывок не приводится в Схолии Брандиса). Следовательно, Александр истолковал λλομένην как означающее вращательное движение, хотя при этом он извратил (так говорит Симпликий) истинное значение, чтобы оно соответствовало его собственным предположениям.

Proklus утверждает, что Аристотель интерпретировал отрывок, ошибочно, — что ἰ λλομένην эквивалентно σφίγγομένην или ξυνεχομένην — и что Платон намерен ее утвердить землю как на отдыхе в центре "Космос" (объявление *Timaeum*, книга IV., стр. 681 изд. Schneider). Сам Симпликий находится в большом замешательстве и едва ли отваживается высказать собственное положительное мнение. В целом, он склонен полагать, что ἰ λλομένην, возможно, может быть понято поверхностными читателями как обозначающее вращение, хотя таков не его надлежащий и естественный смысл: что некоторые платоники неправильно поняли это: и что

Аристотель принял их смысл ради аргументации, не намереваясь сам одобрять его (ad Aristot. De Coelo, p. 126).

Мы должны помнить, что и Прокл, и Симпликий верили в подлинность дорического трактата, приписываемого Тимею Локру. Рассуждая на этой основе, они, конечно, видели, что если Аристотель правильно истолковал Платона, то сам Платон, должно быть, *неправильно* истолковал учение Тимея. Им приходилось приписывать неверную конструкцию либо Платону, либо Аристотелю, и они не могли вынести приписывания ее Платону.

Алкиноус в своей книге "Эйсагогия" (ок. 15) дает ту же интерпретацию, что и Прокл. Но примечательно, что в его парафраз Платоновской слова, он называет ἡμέρας καὶ νυκτός земли φύλαξ: пропуск существенных δημιουργός эпитет.

Что касается современных комментариев по тому же спорному вопросу, мне нужно только упомянуть (помимо комментариев М. Кузена в примечаниях к его переводу "Тимея" и Мартина в его "Этюдах о времени") подробное обсуждение, которому он подвергся в двух недавних диссертациях "Общая космическая система человечества", подготовленных Группе и Бекхом. Группа попыталась, основываясь на свидетельствах этого отрывка, подкрепленных другими побочными доказательствами, показать, что Платон к концу своей жизни пришел к вере, во-первых, во вращение земли вокруг собственной оси, а затем в двойное движение земли, как вращение, так и перемещение, вокруг солнца как центра (то есть гелиоцентрической или коперниканской системы): что Платон был первым, кто сделал это открытие, но что он был вынужден объявить об этом в выражениях, намеренно двусмысленных и неясных, из опасения оскорбить религиозные чувства. настроения его современников ("Космическая система развития, фон О. Ф. группа", Берлин, 1851). К этой диссертации М. Бокх — старейший и способнейший из всех ныне живущих филологов — составил подробный ответ, со своей обычной полнотой иллюстративного материала и трезвостью выводов. Мнения, ранее высказанные им (в его ранних трактатах о платонической и пифагорейской философии), были поставлены под сомнение Группой: теперь он вновь подтвердил их и подробно защитил, утверждая, что Платон всегда считал землю неподвижной, а звездную сферу вращающейся, и отвечая или смягчая аргументы, которые указывают на противоположный вывод ("Untersuchungen über das kosmische System des Platon, von August Boeckh", Берлин, 1852).

Группе не удалось доказать, что Платон принял ни одну из двух вышеупомянутых доктрин — либо вращение земли вокруг собственной оси, либо вращение земли вокруг солнца как центра. По обоим этим пунктам я согласен с Бокхом в его негативном мнении. Но хотя я согласен с его ответом относительно его отрицательных результатов, я не могу считать его удовлетворительным в его положительном аспекте как изложение доктрины, провозглашенной в платоновском "Тимее": я также не могу признать, что главный аргумент трактата М. Бозка достаточен для подтверждения вывода, который он на нем основывает. Более того, мне кажется, что он слишком легкомысленно отвергает авторитет Аристотеля. Я согласен с Александром Афродизийским и с Группой, которая следует за ним, в признании Аристотеля хорошим свидетелем, когда он объявляет, какие доктрины были провозглашены в платоновском "Тимее"; хотя я думаю, что Группа неточно интерпретировала ни Тимея, ни Аристотеля.

Главный аргумент Бека заключается в следующем: "Платоновский "Тимей" утверждает в ясных и недвусмысленных выражениях вращение внешней небесной сферы (звездной сферы или Апланов) за двадцать четыре часа как вызывающее и определяющее смену дня и ночи. Тот, кто

верит в это, не может кто же время верить, что земля обращается вокруг своей оси за двадцать четыре часа и что этим определяется смена дня и ночи. Одно из этих двух утверждений исключает другое; и, поскольку первое из двух, вне всякого сомнения, провозглашено в платоновском "Тимее", мы можем быть уверены, что второе из двух не может быть провозглашено в том же самом рассуждении. Если какой-либо отрывок из него, по-видимому, подтверждает это, мы должны поискать какой-то другой способ толкования этого отрывка".

Это главный аргумент М. Бека, а также господ. Кузен и Мартин. Последний протестует против идеи приписывания Платону "чудовищной комбинации несовместимых систем" ("Этюды о времени", т. ii. стр. 86-88).

Применительно к любому человеку, получившему образование в области современной астрономии, этот аргумент неопровержим. Но является ли он столь же неопровержимым применительно к Платону и ко времени Платона? Я думаю, что нет. Несовместимость, которая в настоящее время кажется столь вопиющей, не приходила в голову ни ему, ни его современникам. Чтобы доказать это, нам нужно только взглянуть на рассуждения Аристотеля, который (в трактате "О Кло", ii. 13-14, стр. 293. b. 30, 296. a. 25) замечает и оспаривает учение о вращении земли, явно ссылаясь на последователей платоновского Тимея, и который (если мы будем следовать точке зрения Мартина) умышленно лжет Платону, чтобы презрительно опровергнуть это учение "для того, чтобы доставить удовольствие человеку". с наступающим". Допуская правильность точки зрения М. Бека (еще больше точки зрения Мартина), мы должны найти Аристотеля, рассуждающего следующим образом: "Платон утверждает суточное вращение земли вокруг центра космической оси. Это одновременно невероятно и несовместимо с его собственным четким утверждением о том, что звездная сфера совершает оборот за двадцать четыре часа. Это вопиющая непоследовательность, что один и тот же автор утверждает и то, и другое". Таково было бы рассуждение Аристотеля о гипотезе, которую я рассматриваю; но когда мы обращаемся к его трактату, мы обнаруживаем, что он вообще не использует этот аргумент. Он оспаривает предполагаемое вращение земли, приводя совершенно другие аргументы — главным образом на том основании, что вращательное движение не является естественным для земли, что естественным для земли является прямолинейное движение к центру; и он добавляет различные следствия, вытекающие из этой доктрины, которые я сейчас не буду рассматривать. В конце своего опровержения он в общих чертах заявляет, что небесные явления, наблюдаемые учеными, совпадали с его доктриной.

Следовательно, мы можем ясно видеть, что Аристотель, вероятно, не видел несовместимость, которая считается столь вопиющей, на которой основан аргумент М. Бека. Мягко говоря, даже если бы он увидел это, он не счел бы это вопиющим и решающим. Он поставил бы это на передний план своего опровержения, если бы обнаружил грубое противоречие, на котором настаивал М. Бокх настаивает. Но Аристотель не одинок в этой тупости видения. Среди различных комментаторов, древних и современных, которые следуют за ним, обсуждая стоящий сейчас перед нами вопрос, ни один не обращает внимания на аргументы М. Бека. Он сам подтверждает нам этот факт, называя аргумент своим собственным и выражая свое удивление тем, что все предыдущие критики обошли его стороной, хотя и использовали другие доводы, гораздо более слабые, чтобы доказать ту же точку зрения. Мы читаем во втором "Комментарии к платоническому систематизированному глобальному пространству и к вере в индийскую астрономию филологии" М. Бозка, Гейдельберг, 1810, стр. 9, следующие слова:—

“Non moveri tellurem, Proclus et Simplicius ostendunt ex Phædone. Parum firmum tamen argumentum est ex Phædone ductum ad interpretandum Timæi locum: nec melius alterum, quod Locrus Timæus, quem Plato sequi putabatur, terram stare affirmat: quia, ut nuper explicuimus, non Plato ex Locro, sed personatus Locrus ex Platone, sua compilavit. At omnium firmissimum et certissimum argumentum ex ipso nostro dialogo sumptum, *adhuc, quod jure mirere, nemo reperit*. Etenim, quum, paulo supra, orbem stellarum fixarum, quem Græci ἀπλανῆ appellant, dextrorsum ferri quotidiano motu Plato statuebat, non poterat ullum terræ motum admittere; quia, *qui hunc admittit, illum non tollere non potest*.” (Этот отрывок, кажется, снова цитируется самим М. Беком в его более поздней диссертации "Untersuchungen über das kosmische System des Platon", стр. 11). Авторы, упомянутые (стр. 7) как обсуждавшие этот вопрос, опуская или игнорируя этот наиболее убедительный аргумент, являются именами, простирающимися от Аристотеля до Рункена и Иделера.

Проницательности М. Бека следует отдать должное за то, что он указал на то, что упустили из виду столь многие предыдущие критики, а именно, что эти два мнения научно несовместимы. Он задается вопросом, и, возможно, для этого есть веские основания, как случилось, что ни один из этих предыдущих авторов не знал о несовместимости. Но тот факт, что это не пришло им в голову, не менее несомненен и имеет важнейшее значение в отношении обсуждаемого сейчас вопроса; ибо мы сейчас исследуем не то, что научно истинно или непротиворечиво, а каковы были мнения Платона. М. Бек обратил наше внимание на тот факт, что эти два мнения несовместимы; но можем ли мы с уверенностью предположить, что Платон должен был осознавать такую несовместимость между ними? Конечно, нет. Пифагорейцы того времени не понимали этого; их космическая система включала в себя как вращение земли, так и вращение звездной сферы вокруг центрального огня, всего десять вращающихся тел (Аристотель. *Метафизика*. i. 35, стр. 96 а. 10. Де Кло, ii. 13, стр. 293 b. 21). Они не знали, что революции одного аннулировали революции другого по своему эффекту и что их система, таким образом, включала в себя два противоречащих друг другу предмета, или “смесь чудовищ”, о которой Мартин говорит с таким презрением. Более того, их оппонент, Аристотель, приводя другие аргументы против них, никогда не указывает на противоречие. Поскольку это не приходило им в голову, нам нетрудно поверить, что и Платону это не приходило в голову. В самом деле, было бы скорее удивительно, если бы Платон *had* увидел астрономическую несовместимость, которая ускользнула от внимания как Аристотеля, так и многих последующих авторов, писавших в то время, когда астрономические теории разрабатывались и сравнивались с большей полнотой. Даже Иделер, хороший астроном, а также ученый, хотя он, несомненно, должен был знать, что Платон утверждал вращение звездной сферы (поскольку ни один человек не может читать “Тимея”, не зная этого), приписывал ему также другую доктрину, несовместимую с ней, не замечая такой непоследовательности, пока М. Бокх указал на это.

Следовательно, мне кажется, что М. Бек недостаточно убедительно изложил свою точку зрения— “Платон не мог верить в суточное вращение земли, потому что он, несомненно, верил во вращение звездной сферы как в причину смены дня и ночи”. Ибо, хотя эти две доктрины действительно несовместимы, все же критики, предшествовавшие М. Бокх, не обратили внимания на такую несовместимость. Мы не можем предположить, что Платон видел то, чего не видели Аристотель и другие авторы, даже многие из тех, кто писал в рамках более развитой астрономии. Я думаю, нам скорее следовало бы предположить обратное, если только слова Платона не ясно свидетельствуют о том, что он действительно видел дальше своих преемников.

Теперь разберем, что Платон слова подтверждаю:— γῆν δὲ τροφὸν μὲν ἡμετέραν, εἰ λλομένην (Аль. εἰ λομένην, ἰ λλομένην) δὲ περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον φύλακα καὶ δημιουργὸν νυκτός τε καὶ ἡμέρας ἐμηχανήσατο, πρῶτην καὶ πρεσβυτάτην θεῶν, ὅσοι ἐντὸς οὐράνου γεγόνασι.

Я объясняю эти слова следующим образом:—

В отрывке, непосредственно предшествующем этому, Платон описал равномерное и неизменное вращение внешней звездной сферы, или Одного и Того Же Круга, и неустойчивые движения солнца, луны и планет во внутренних Кругах Многообразия. Теперь он объясняет положение и функции земли. Будучи первым и наиболее почитаемым из внутрикосмических божеств, земля занимает самое важное место во внутреннем пространстве космоса — центр. Он упакован, закреплен или свернут плотно вокруг оси, которая пересекает весь космос; и его функция состоит в том, чтобы следить за сменой дня и ночи и обеспечивать ее. *Платон представляет саму космическую ось как вращающийся твердый цилиндр, вызывающий тем самым вращение окружности или звездной сферы.* Внешняя окружность космоса не только вращается вокруг своей оси, но и подчиняется вращательному импульсу, исходящему от его оси, подобно вращению трезвенника или веретена. Платон в "Государстве" иллюстрирует космическую ось сравнением с веретеном, вращаемым по необходимости, и описывает его как вызывающее своим собственным вращением вращение всех небесных тел (Republ. x. p. 616, с. 617a). ἐκ δὲ τῶν ἄκρων τεταμένον Ἀνάγκης ἄτρακτον, δι' οὗ πάσας ἐπιστρέφεσθαι τὰς περίφορας ..., кукλεῖσθαι δὲ δὴ στρεφόμενον τὸν ἄτρακτον ὅλον μὲν τὴν αὐτὴν φοραν .... στρέφεσθαι δὲ αὐτὸν ἐν τοῖς Ἀνάγκης γόνασιν.¹

¹ Прокл в своем комментарии к платоновскому "Тимею" (стр. 682, Шн.) отмечает этот отрывок из "Республики" как подходящее сравнение для интерпретации того, как Платон представлял космическую ось. Во многих пунктах он объясняет это правильно; но он опускает замечание о том, что ось явно описывается как вращающаяся и как вызывающая вращение периферийного вещества: —

— τὸν δὲ ἄξονα μίαν θεότητα συναγωγὸν μὲν τῶν κέντρων τοῦ παντὸς συνεκτικὴν δὲ τοῦ ὅλου κόσμου, κινητικὴν δὲ τῶν θείων περιφορῶν, περὶ ἣν ἡ χορεία τῶν ὅλων, περὶ ἣν αἱ ἀνακυκλήσεις, ἀνέχουσιν τὸν ὅλον οὐρανὸν, ἣν καὶ Ἄλαντα διὰ τοῦτο προσειρήκασιν, ὡς ἄτρακτον καὶ ἄρτρον ἐνέργειαν ἔχουσιν. καὶ μέντοι καὶ τὸ τεταμένον ἐνδείκνυται τιτίνιον εἶναι τὴν μίαν αὐτὴν δύναμιν, τὴν φρουρητικὴν τῆς ἀνακυκλήσεως τῶν ὅλων.

Здесь Прокл признает эффективность оси в создании и поддержании вращения Космоса, но он не замечает, что она инициирует это движение, вращаясь сама. Θεότης, которое Прокл приписывает оси, платоновский Тимей вкладывает в землю, расположенную вокруг нее.

Итак, функция, которую Платон приписывает земле в отрывке из "Тимея", представленном перед нами, очень аналогична той, которую в "Государстве" он приписывает Необходимости, — активная охрана оси космоса и поддержание ее регулярного вращения. С целью осуществления этой функции земля помещается в центре оси, в самом корне космической души (Платон, Тимей, стр. 34b). Он даже "плотно прилегает к оси", чтобы гарантировать, что ось не сместится с ее надлежащего положения и направления. Таким образом, Земля не просто активна и влиятельна, но действительно является главным регулятором движения космоса, являясь непосредственным соседом и помощником космической души. Такая функция достойна "первого и старейшего из внутрикосмических божеств", как Платон называет землю.

С полным основанием он может сказать, что земля, выполняя такую функцию, “является хранителем и творцом дня и ночи”. Это никоим образом не согласуется с тем, что он говорит в другом отрывке, а именно, что вращения внешней звездной сферы определяют день и ночь. Ибо эти вращения внешней звездной сферы зависят от оборотов оси, которая поддерживается в постоянном положении и движении благодаря земле, охватывающей ее вокруг своего центра и вращающейся вместе с ней. Земля определяет дни и ночи не посредством своих собственных вращений, но благодаря своему постоянному влиянию на вращения космической оси и (через эту последнюю) на вращения внешней звездной сферы.

Важно обратить внимание на последнее упомянутое обстоятельство и понять, в каком смысле Платон допускал вращательное движение земли. На мой взгляд, концепция земли и ее функций, развитая в платоновском "Тимее", не рассматривалась со всеми ее пунктами, взятыми вместе. Один момент из нескольких, и это тоже наименее важный момент, обсуждался так, как если бы это было целое, потому что он соответствует обсуждениям последующей астрономии. Таким образом, Платон допускает вращение земли, но он не допускает, что оно производит какие-либо эффекты или является первичной функцией земли: это лишь косвенное следствие положения, которое занимает земля при выполнении своей основной функции — поддержания устойчивости космической оси и равномерности ее вращений. Если космическая ось должна вращаться, то земля, будучи плотно упакованной и скрепленной вокруг нее, должна вращаться вместе с ней. Если бы земля стояла неподвижно и сопротивлялась любому собственному вращению, это в то же время остановило бы вращение космической оси и, конечно, всего космоса в целом.

Приведенное выше - это интерпретация, которую я предлагаю отрывку из платоновского "Тимея" и которая, как я покажу, совпадает с комментарием Аристотеля к нему. Господа. Бокх и Мартин интерпретируют это по-разному. Они не обращают внимания на смысл, в котором Платон понимает ось космоса — не как воображаемую линию, а как твердый вращающийся цилиндр; и, более того, они понимают функцию, возложенную платоновским Тимеем на землю, так, как я не могу этого допустить. Они полагают, что эта функция возложена на землю, чтобы не отставать и упорядочить, но для того чтобы выдержать и противостоять, вращению космоса. М. в комментариях Boeckh по группе, который сказал (после Ideler), что когда Земля называется φύλακα καὶ νυκτὸς καὶ ἡμέρας δημιουργόν, Платон имел в виду обозначить активную функцию, предписанную ему, а не любую функцию лишь пассивным или отрицательным. Я согласен с Группой в этом замечании, и я попытался указать, в чем заключается эта активная функция земли в теории Платона. Но М. Бек (Untersuchungen, & c., стр. 69-70) оспаривает замечание Группы, отмечая, во-первых, что достаточно, если земля каким-либо образом необходима для достижения данного эффекта; во-вторых, что если требуется активная сила, земля (в теории Платона) оказывает такое чисто пассивное сопротивление, которое само по себе является энергичным проявлением силы.

M. Boeckh's words are:— “Es kommt nur darauf an, dass er ein Werk, eine Wirkung, hervorbringt oder zu einer Wirkung beiträgt, die ohne ihn nicht wäre: dann ist er durch seine Wirksamkeit ein Werkmeister der Sache, sey es auch ohne active Thätigkeit, durch bloss passiven Widerstand, der auch eine mächtige Kraft-äusserung ist. Die Erde ist Werkmeisterin der Nacht und des Tages, wie Martin (b. ii. p. 88) sehr treffend sagt ‘par son énergique existence, c’est à dire, par son immobilité même:’ denn sie setzt der täglichen Bewegung des Himmels beständig eine gleiche Kraft in entgegengesetzter Richtung entgegen. So muss nach dem Zusammenhange ausgelegt werden: so

meint es Platon klar und ohne Verhüllungen: denn wenige Zeilen vorher hat er gesagt, Nacht und Tag, das heisst ein Sterntag oder Zeittag, sei ein Umlauf des Kreises des Selbigen — *das ist, eine tägliche Umkreisung des Himmels von Osten nach Westen, wodurch also die Erde in Stillstand versetzt ist*: und diese tägliche Bewegung des Himmels hat er im vorhergehenden immer und immer gelehrt.” . . . .
“Indem Platon die Erde nennt εἰ λομένην, nicht περὶ τὸν ἑαυτῆς πόλον, sondern περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον, setzt er also die tägliche Bewegung des Himmels voraus” (p. 70-71).²

2 “От нас требуется только показать, что Земля производит работу или эффект — или способствует эффекту, которого не было бы без такой помощи: тогда, благодаря такой операции, Земля является *Создателем* того, что производится, даже без какой-либо позитивной активности, своим просто пассивным сопротивлением, которое действительно само по себе является мощным проявлением силы. Земля является Творцом ночи и дня, согласно поразительному выражению Мартена, ‘по преимуществу энергетическое существование, самое страшное, по преимуществу неподвижность тела”, ибо Земля противостоит суточному движению Небес постоянной и равной силе в противоположном направлении. Это объяснение *должно* быть истинным требованиям контексте: это Платон смыслом, толком и не скрывает: он сказал, несколько строк до того, что ночью и днем (то есть сидерический день, или День времени) суточный оборот небо с востока на Запад, причем соответственно Земли считается в состоянии покоя: и это суточное движение неба, он учил снова и снова в предыдущей части своей речи.” — “Так поэтому Платон называет εἰ λομένην Земле, не περὶ τὸν ἑαυτῆς πόλον, но περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον, он подразумевает тем самым суточное движение небесного”.

Я не только допускаю, но и ставлю это во главу угла моего собственного дела, что Платон в "Тимее" допускает суточное движение небесной сферы; но я утверждаю, что он также допускает суточное вращение земли. М. Бек основывает свою противоположную интерпретацию на неоспоримой истине, что эти два допущения несовместимы; и на выводе, что, поскольку эти два допущения не могут стоять вместе на самом деле, следовательно, они не могли стоять вместе в сознании Платона. В этом заключении я уже заявлял, что не могу согласиться.

Но пока М. Бокх прилагает столько усилий, чтобы вывести Платона из одного противоречия, что бессознательно вовлекает Платона в другое противоречие, для которого, по моему мнению, нет никаких оснований. М. Бокх утверждает, что функция земли (в платоновском "Тимее") состоит в том, чтобы оказывать огромную силу пассивного сопротивления — “постоянно противодействовать суточному движению небес равной силе в противоположном направлении”. Разве не ясно, исходя из этого предположения, что космос остановился бы и что его вращение полностью прекратилось бы? Поскольку земля плотно прижата вокруг космической оси, то, если ось пытается вращаться с заданной силой, а земля сопротивляется с равной силой, результатом будет то, что две силы уничтожат друг друга, и что ни земля, ни ось вообще не будут двигаться. Имел бы место тот же сводящий на нет антагонизм, как если бы — возвращаясь к аналогичному случаю с веретеном и вертициллой (уже упоминавшемуся) в десятой книге "Республики", - как если бы, в то время как Ананке поворачивала веретено с заданной силой в одном направлении, Клото (вместо оказания помощи) прикладывала свою руку к самой внешней вертицилле с равной силой сопротивления в противоположном направлении (см. Reipubl. x. стр. 617 D). Очевидно, что шпиндель вообще никогда бы не повернулся.

Таким образом, здесь возникает серьезное противоречие, связанное со взглядами Бека и Мартина на функцию земли. Они не имеют, на мой взгляд, достаточно изучили, каким образом Платон представляет себе космической оси: они не в полной мере оценили то, что утверждается или подразумевается в обсуждаемое слово $\epsilon\acute{\iota}\ \lambda\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ — $\epsilon\acute{\iota}\ \lambda\omicron\acute{\upsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ — $\acute{\iota}\ \lambda\acute{\lambda}\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$. Это слово было объяснено частично Рункеном в его заметках о лексиконе Тимеев, но еще больше Буттманном в его Лексикогусе, настолько точно и обильно, что не оставляет ни в чем недостатка. Я полностью принимаю объяснение, данное Буттманном, и следовал ему на протяжении всей этой статьи. Рассмотрев множество других примеров, Буттманн приходит к рассмотрению этого отрывка из платоновского “Тимея”; и он объясняет слово $\epsilon\acute{\iota}\ \lambda\omicron\rho\acute{\epsilon}\nu\eta\nu$ или $\acute{\iota}\ \lambda\acute{\lambda}\acute{o}\mu\epsilon\nu\eta\nu$ как означающее — *“sich drängen oder gedrängt werden um die Axe: d. h. von allen Seiten her an die Axe. Auch lasse man sich das Praesens nicht irren: die Kräfte, welche den Weltbau machen und zusammen halten, sind als fortdauernd thätig gedacht. Die Erde drängt sich (ununterbrochen) an den Pol, macht, bildet eine Kugel um ihn. Welcher Gebrauch völlig entspricht dem wonach dasselbe Verbum einwickeln, einhüllen, bedeutet. Auch hier mengt sich in der Vorstellung einiges hinzu, was auf ein biegen winden, und mitunter auf ein drehen führt: was aber überall nur ein durch die Sache selbst hinzutretender Begriff ist,”* p. 151. And again, p. 154, he gives the result — that the word has only *“die Bedeutung drängen, befestigen, nebst den davon ausgehenden — die von drehen, winden, aber ihm gänzlich fremd sind, und nur aus der Natur der Gegenstände in einigen Fällen als Nebengedanken hinzutreten.”*³

3 “Упаковываться самому или быть упакованным вокруг оси: то есть на оси со всех сторон. Настоящее время не должно вводить нас в заблуждение, ибо силы, которые составляют и удерживают воедино структуру Вселенной, представляются постоянно находящимися в активном действии. Земля упаковывается, или упаковывается вокруг оси — образует шар вокруг оси: что полностью соответствует другому употреблению этого слова в смысле заворачивания или обволакивания. Здесь также присутствует нечто добавленное, смешанное с идеей, что приводит нас к повороту, намотке и, следовательно, к вращению: но везде это не более чем вспомогательное представление, подсказанное обстоятельствами дела. Это слово имеет только значение “упаковывать”, “закреплять” — смыслы “заводить”, “вращаться” совершенно чужды ему и могут быть добавлены в качестве вспомогательных идей только в определенных частных случаях в силу особой природы случая”.

В этих последних словах Буттманн точно отличил истинное, постоянное и сущностное значение слова от случайных аксессуаров, которые присоединяются к нему в силу особых обстоятельств некоторых особых случаев. Постоянное и истинное значение этого слова — *быть плотно упакованным или пристегнутым, сжиматься или хвататься за что попало*. Идея вращения или вертушки совершенно чужда этому значению, но, тем не менее, может быть связана с ним в определенных частных случаях в силу случайных обстоятельств.

Давайте проиллюстрируем это. Когда я говорю, что тело *A* — это $\epsilon\acute{\iota}\ \lambda\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ или $\acute{\iota}\ \lambda\acute{\lambda}\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ (плотно упакованное или скрепленное, сжимающее или хватающее вокруг), другое тело *B*, я ничего не утверждаю о вращении. Это идея, чуждая пропозиции как таковой, но способная быть присоединенной к ней при некоторых случайных обстоятельствах. Будет ли это в каком-либо конкретном случае иметь такое значение или нет, зависит от вопроса “Какова природа тела *B*, вокруг которого, как я утверждаю, должно быть закреплено *A*?” 1. Это может быть дуб или колонна, прочно посаженная и неподвижная. 2. Это может быть какое-то другое движущееся тело, но движущееся в прямолинейном направлении. 3. Наконец, это может быть тело,

вращающееся или предназначенное для вращения, например шпиндель, вертел или вращающийся цилиндр станка. В первом предположении исключается всякое движение; во втором подразумевается прямолинейное движение, но исключается вращательное движение; в третьем вращательное движение подразумевается как определенное дополнение. Тело, которое закреплено вокруг другого, должно разделять движение или покой этого другого. Если тело *В* представляет собой вращающийся цилиндр, и если я утверждаю, что *А* плотно прилегает к нему, я ввожу идею вращения; хотя только как вспомогательный и подразумеваемый факт в дополнение к тому, что утверждается в предложении. Корпус *А*, закрепленный вокруг цилиндра *В*, должен либо вращаться вместе с ним и вокруг него, либо он должен останавливать вращение *В*. Если вращается одно, то должно вращаться и другое; оба должны либо вращаться вместе, либо стоять неподвижно вместе. Это новый факт, отличный от того, что утверждается в предложении, но подразумеваемый в нем или способный быть выведенным из него посредством индукции и опыта.

Здесь мы в точности видим позицию Платона относительно вращения земли. Он не утверждает это прямо, но он утверждает то, что подразумевает это. Ибо, когда он говорит, что земля уплотнена или тесно прикреплена вокруг космической оси, он косвенно передает нам знание другого и отчетливого факта — что земля и космическая ось должны либо вращаться вместе, либо оставаться неподвижными вместе, — что земля должна либо вращаться вместе с осью, либо останавливать вращения оси. Очевидно, что Платон не имел в виду, что вращения оси космоса должны быть остановлены: они абсолютно необходимы для схемы Тимея - они являются великим побудительным фактором космоса. Следовательно, он должен иметь в виду, что земля вращается вместе с космической осью и вокруг нее. И, таким образом, слово εἰ λόμενον или ἰλλόμενον, согласно доктрине Буттмана, случайно соединяется благодаря особенностям этого случая с дополнительной идеей вращения; хотя эта идея чужда его постоянному и естественному значению.

Теперь, если мы обратимся к Аристотелю, мы обнаружим, что он понимал слово εἰ λόμενον или ἰλλόμενον и предложение Платона именно в этом смысле. Здесь я вынужден отойти от Buttmann, кто утверждает (стр. 152), с выражением удивления, что Аристотель неправильно утверждение Платона, и толковать εἰ λόμενον или ἰλλόμενον как если бы это означало, как напрямую, так неопровержимо, *вращающихся* или *вращающихся*. Proklus, в своем комментарии на Timæus, раньше поднимаются одни и те же полемика с Аристотелем — ἰλλομένην δὲ, καὶ τὴν σφιγγομένην δηλοῖ συνεχομένην οὐ γὰρ ὡς Ἀριστοτέλης οἶεται, κινουμένην τὴν (Procl. стр. 681). Давайте поэтому рассмотрим отрывки из Аристотеля, из которых возникает эта трудность.

Этих отрывков два, оба они во второй книге De Cœlo; один в главе 13, другой в главе 14 (стр. 293 b. 30, 296 a. 25).

1. The first stands — ἔνιοι δὲ καὶ κειμένην (τὴν γῆν) ἐπὶ τοῦ κέντρου φασὶ ν αὐτὴν ἵλλεσθαι περὶ τὸν διὰ παντὸς τεταμένον πόλον, ὥπερ ἐν τῷ Τιμαίω γέγραπται. Таково значение Беккер в Берлине издание: но он дает различные показания двух разных рукописей. — ἵλλεσθαι καὶ κινεῖσθαι — другие εἰ λεῖσθαι καὶ κινεῖσθαι.

2. The second stands, beginning chap. 14 — ἡμεῖς δὲ λέγωμεν πρῶτον πότερον (the earth) ἔχει κίνησιν ἢ μένει· καθάπερ γὰρ εἴπομεν, οἱ μὲν αὐτὴν ἐν τῶν ἄστρον ποιοῦσιν, οἱ δ' ἐπὶ τοῦ μέσου θέντες ἵλλεσθαι καὶ κινεῖσθαι φασὶ περὶ τὸν πόλον μέσον.

Теперь, в первом из этих двух отрывков, где Аристотель просто излагает доктрину без каких-либо комментариев, он явно ссылается на Тимея и, следовательно, цитирует выражение из этого диалога без какого-либо расширения. Он, несомненно, понимает утверждение Платона о том, что земля была закреплена вокруг космической оси, как подразумевающее, что она вращалась вместе с вращениями этой оси. Таким образом, Аристотель истолковывает $\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, в этом конкретном предложении Тимея, как подразумевающее вращение. Но он явно не истолковывал $\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ как естественное и постоянное либо обозначающее, либо подразумевающее вращение. Это подтверждается его языком во втором отрывке, где он воспроизводит ту же самую доктрину с целью обсудить и опровергнуть ее, и без специальной ссылки на платоновского Тимея. Здесь мы обнаруживаем, что он не удовлетворен выражением доктрины одним словом $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$. Он *subjoins* другой глагол — $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ καὶ κινεῖσθαι: принося в прямые высказывания факт вращательные движения, которые, хотя и $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ стоял особняком, был известен только косвенно и вывод из обстоятельств конкретного дела. Если бы он предположил, что $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ само по себе означает *вращающийся*, добавление κινεῖσθαι было бы бесполезным, бессмысленным и даже дерзким. Аристотелю, как замечает Бокх, не дано без необходимости множить слова.

Таким образом, когда мы изучаем отрывки из Аристотеля, оказывается, что он понимал $\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ вполне в соответствии с объяснением Буттмана. Вращательное движение не является частью значения этого слова; однако оно может случайно, в конкретном случае, подразумеваться как дополнение к значению в силу особых обстоятельств данного случая. Аристотель описывает это учение как разделяемое *некоторыми людьми*. Он, несомненно, имеет в виду различных платоников своего времени, которые приняли и защитили то, что первоначально было выдвинуто Платоном в "Тимее".

М. Воескh, в обсуждение какого-длина (Untersuch. стр. 76-84), придерживается того мнения, что чтение при первом прохождении Аристотеля, является неверным; что эти два слова $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ καὶ κινεῖσθαι должно стоять на первом, как они делают во втором, — как он думает, что они стояли в копии Simplicius: что Аристотель сделал ссылку на плато с видом на своеобразные слова $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, а не общее учение о вращении Земли: что он комментирует это учение, как остальные, но не Платон — (по данным Воескh) был известен всем не удерживать ее. М. Воескh дает это только как предположение, и я не могу считать его аргументы как убедительные. Но даже если бы он убедил меня, что $\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ καὶ κινεῖσθαι были истинным прочтением как в первом отрывке, так и во втором, я бы просто сказал, что Аристотель не считал, что ссылка на Тимея мешает ему четко сформулировать то, что, как знали платоники, которых он имел в виду, подразумевалось в этом отрывке. Это действительно вольная цитата, которую я не стану приписывать Аристотелю без веских доказательств. В данном случае такие доказательства кажутся мне недостаточными.⁴

⁴ Среди древних комментаторов не всегда можно полагаться на точность цитирования. Симпликий цитирует этот самый отрывок из "Тимея" более чем с одной неточностью. (ad Aristot. De Coelo, fol. 125.)

М. Мартин приписывает Аристотелю нечто большее, чем просто неправильное цитирование. He says (Études sur le Timée, vol. ii. p. 87), "Si Aristote citait l'opinion de la rotation de la terre comme un titre de gloire pour Platon, je dirais — il est probable que la vérité l'y a forcé. Может быть, Аристотель, я признаю, что подвижник совершенен на земле, приписываю Платону противоположное

мнение, для того, чтобы донести до него смысл того, что происходит завтра.”

Несколькими строками ранее месье Мартен сказал, что аргументы, с помощью которых Аристотель боролся с этим мнением, приписываемым Платону, были “очень слабыми”. Я затрудняюсь представить, в какой из фраз Аристотеля М. Мартин находит какой-либо след пренебрежения либо к доктрине, либо к тем, кто ее придерживался. Что касается меня, то я не нахожу ни одного. Аргументы Аристотеля против доктрины, какова бы ни была их доказательная сила, излагаются в той краткой, спокойной, сухой манере, которая ему свойственна, без слов сентиментальности или риторики, или чего-либо еще ἔξω τοῦ πράγματος. Действительно, среди всех философов, много написавших, я не знаю никого, кто был бы менее подвержен упрекам в смешении личных чувств с аргументированными спорами, чем Аристотель. Платон часто позволяет себе иронию, или насмешку, или риторические выпады; Аристотель - очень редко. Более того, даже помимо вопроса о презрении, роль, которую М. Мартин здесь отводит Аристотелю, является одной из самых странных аномалий в истории философии. Аристотель придерживается доктрины о неподвижности земли и стремится ее продемонстрировать; он знает (так мы должны верить), что Платон не только придерживается той же доктрины, но и прямо подтвердил ее в “Тимее”: он мог бы выдвинуть Платона в качестве авторитета в свою пользу, а отрывок из “Тимея” — в качестве прямого заявления; однако он предпочитает сознательно и намеренно извращать значение этого отрывка и цитировать Платона как враждебный, а не дружественный авторитет - просто “чтобы доставить себе удовольствие презрительно опровергать Мнение Платона!” Но это еще не все. М. Мартин говорит нам, что аргументы, которые Аристотель выдвигает против этой доктрины, в конце концов, очень слабы. Но далее он говорит нам, что был один аргумент, который мог быть выдвинут, и который, если бы Аристотель его выдвинул, уличил бы Платона в “огромном противоречии” (стр. 88) в утверждении, что земля вращается вокруг космической оси. Аристотель мог бы сказать Платону— “Ты утверждал и постоянно предполагаешь на протяжении всего “Тимея” суточное вращение внешней звездной сферы; теперь ты утверждаешь суточное вращение земли в центре. Здесь огромное противоречие; они не могут устоять вместе”. — И все же Аристотель, имея в руках этот триумфальный аргумент, не говорит о нем ни слова, а довольствуется различными другими аргументами, которые г-н Мартин называет очень слабыми.

Возможно, М. Мартин мог бы сказать: “Противоречие существует; но Аристотель не был достаточно проницателен, чтобы заметить это; в противном случае он выдвинул бы его”. Я вполне придерживаюсь этого мнения. Если бы Аристотель осознал противоречие, он выдвинул бы его в качестве самого сильного пункта в своем споре. Его молчание для меня является доказательством того, что он этого не осознал. Но это часть моего дела против М. Мартина. Я полагаю, что Платон признавал обе эти противоречивые доктрины, не осознавая противоречия; и в пользу этой точки зрения убедительно свидетельствует тот факт, что Аристотель в равной степени не осознавал этого — хотя в случае, когда, по словам М. Мартина, он не побоялся прибегнуть к нечестной уловке.

Мне кажется, что трудности и аномалии, с которыми мы сталкиваемся из—за предположения, что Аристотель либо неправильно понял, либо извратил смысл Платона, гораздо серьезнее, чем те, которые возникли бы из—за признания того, что Платон выдвинул сложную теорию, включающую два противоречивых положения, в одном и том же диалоге, не осознавая противоречия; особенно когда подобная ошибка восприятия бесспорно приписывается Аристотелю - при любом взгляде на дело.

М. Кузен придерживается той же интерпретации платоновского отрывка, что и Бек и Мартин, и защищает ее примечанием к своему переводу "Тимея" (стр. 339). Пять аргументов, которые он приводит, считаются как им самим, так и Мартином неопровержимыми. Поскольку он излагает их с большой аккуратностью и лаконичностью, я здесь посвящаю им отдельное исследование.

1. "Platon a toujours été considéré dans l'antiquité comme partisan de l'immobilité absolue de la terre." M. Cousin had before said, "Aristote se fonde sur ce passage pour établir que Platon a fait tourner la terre sur elle-même: mais Aristote est, dans l'antiquité, le seul qui soutienne cette opinion."

Мой ответ таков, что Аристотель сам является частью античности и что различные платоники, которых он берется опровергнуть, также являются ее частями. Если месье Кузен апеллирует к авторитету античности, то это должно быть обращение к античности не просто за исключением *Аристотеля и этих современных платоников*, но против.... Теперь это всего лишь свидетели, у которых были наилучшие средства познания. Кроме того, сам Аристотель, принимая неподвижность земли и стремясь продемонстрировать ее, имел все основания ссылаться на Платона как на сторонника, если Платон был таковым, и все основания избегать ссылки на Платона как на оппонента, если только истинность дела не вынуждала его делать это. Я должен здесь добавить, что г-н Кузен представляет Аристотеля как приписывающего Платону доктрину о том, что "земля турне- это любовь". Это не совсем точно. Аристотель понимает платоновского Тимея как высказывание, "Что земля уплотнена и перемещается *вокруг оси космоса*" — другое утверждение.

2. "Dans plusieurs endroits de ses ouvrages où Platon parle de l'équilibre de la terre, il ne dit pas un mot de sa rotation."

Я знаю только *один* такой отрывок — Федон, стр. 108, — где Платон, несомненно, не говорит о вращении земли; но он также не говорит и о вращении звездной сферы и космоса - или об оси космоса. В "Федоне" Платон описывает форму и свойства земли, рассматриваемые применительно к населяющему ее человечеству; он мало обращает внимания на ее космические отношения и не дает общей теории о космосе. М. Кузен не ссылаясь на десятую книгу "Государства", где Платон выдвигает космическую теорию, явно символизирующую ось космоса с ее вращательными функциями.

3. "Si la terre suit le mouvement de l'axe du monde, le mouvement de la huitième sphère, qui est Le Même, devient nul par rapport à elle, et les étoiles fixes, qui appartiennent à elle, demeurent en apparence dans une immobilité absolue: ce qui est contraire à l'expérience et au sens commun, et à l'opinion de Platon, exprimée dans ce même passage."

Этот третий аргумент М. Кузена совпадает с тем, который я уже рассматривал в замечании по поводу М. Бека. Суточное вращение Земли не может находиться в одной астрономической системе с суточным вращением звездной сферы. Неоспоримо верно (я уже говорил) с научной точки зрения. Но вопрос здесь не в том, какие мнения являются научно обоснованными, а в том, каких мнений придерживался Платон и обнаружил ли он несоответствие между ними. У меня есть основания полагать, что он этого не делал — и не он один, но и многие другие вместе с ним, в том числе и Аристотель. Как, в самом деле, можно это отрицать, когда мы находим, что М. Бек объявляет, что он *первый* среди всех критиков "Тимея", кто выдвинул это несоответствие в качестве особого основания для определения мнения Платона — что ни один другой критик до него этого не заметил?

Особого внимания заслуживают первые слова этого аргумента: “Земля соответствует движению высшего света”. Здесь мы имеем точное изложение доктрины, провозглашенной платоником Тимеем и приписываемой ему Аристотелем (совершенно отличной от доктрины “о путешествии по земле в окружении людей”). М. Кузен здесь очень отчетливо говорит о космической оси и о ее движении; таким образом, подразумевается, что Платон представлял ее как твердый вращающийся цилиндр. Это, на мой взгляд, самый важный момент для прояснения обсуждаемого вопроса. Поскольку космическая ось имеет такой характер, когда Платон утверждает, что земля *упакована или скреплена вокруг нее* (*se roule* — Кузен: *se serre et s'enroule* — Мартин: *drängt sich, macht eine Kugel um ihn* — Буттманн), я утверждаю, что в самом простом понимании этого слова земля следует и должна следовать за движением оси — или останавливать движение оси. Слово *εἰ λομένην* или *λλομένην* вообще не имеет определенного значения, если оно не означает этого. Сами синонимы (*σφιγγομένην*, *περιδεδεμένην* и др.), которые комментаторы приводят в доказательство того, что Платон описывает землю как находящуюся в состоянии покоя, на самом деле доказывают, что он описывает ее как вращающуюся вокруг космической оси. Нас не должны отвлекать от этого простого значения слова заверения М. Кузена и других, что Платон не мог иметь в виду именно это, потому что это вовлекло бы его в астрономическую непоследовательность.

4. “Les divers mouvemens des huit sphères expliquent toutes les apparences célestes; il n’y a donc aucune raison pour donner un mouvement à la terre.”

Термины этого четвертого аргумента, если их истолковать буквально, подразумевали бы, что Платон разработал полную и удовлетворительную астрономическую теорию. Я опускаю этот пункт и истолковываю их так, как, вероятно, намеревался М. Кузен: тогда его аргумент будет звучать так: “Движение земли ничего не добавляет к способности Платона объяснять астрономические явления; следовательно, у Платона не было мотива предполагать движение земли”.

Я уже уточнил, в каком смысле я понимаю платоновского Тимея как утверждающего или, скорее, подразумевающего вращение земли; и этот смысл не выдерживает возражений, выдвинутых в четвертом и пятом аргументах месье Кузена. Вращение земли, как оно фигурирует в платоновском “Тимее”, ничего не объясняет и не предназначено для объяснения чего-либо. Это следствие, а не причина: это следствие, вытекающее из положения земли, уплотненной или скрепленной вокруг центра космической оси, посредством чего земля участвует, по необходимости и как само собой разумеющееся, в движениях этой оси. *Функция* земли, помещенной таким образом в центр космоса, заключается в поддержании и регулировании оборотов космической оси; и эта функция объясняет в схеме платоновского Тимея, почему ось вращается равномерно и постоянно, без изменений или смещений. Теперь от этих оборотов космической оси зависят все вращения внешней сферы. Это признается самим М. Кузеном в аргументе 3. Следовательно, есть все основания, по которым Платон возлагал такую регулирующую функцию на землю, “первое и древнейшее из внутрикосмических божеств”. Движение земли (как я ранее наблюдал) является лишь случайным следствием положения, необходимого земле для выполнения такой функции.

5. “Enfin Platon assigne un mouvement aux étoiles fixes, et deux mouvemens aux planètes; puisqu’il ne range la terre ni avec les unes ni avec les autres, il y a lieu de croire qu’elle ne participe à aucun de leurs mouvemens.”

Поскольку этот аргумент хорошо обоснован, он усиливает мою позицию больше, чем позицию месье Кузена. Земля не участвует в движениях ни неподвижных звезд, ни планет; но она участвует во вращениях космической оси, от которой зависят эти движения — движения внешней сферы, полностью и исключительно - движения планет, в очень большой степени, но не исключительно. Земля не относится ни к неподвижным звездам, ни к планетам; это тело или божество *sui generis*, обладающее собственной особой центральной функцией - регулировать ту космическую ось, которая приводит в движение всю систему. Земля движется сама по себе, вокруг и вдоль космической оси, к которой она прикреплена; но это движение земли (я снова повторю, чтобы предотвратить неправильное понимание) является фактом, не важным сам по себе и ничего не объясняющим. Великим и основополагающим фактом является центральное положение и регулирующая функция земли, посредством которой все космические движения, сначала движения оси, затем движения внешнего космоса, поддерживаются равномерными.

М. Кузен добавляет в качестве шестого аргумента:

“On peut ajouter à ces raisons que Platon aurait nécessairement insisté sur le mouvement de la terre, s’il l’avait admis; et que ce point étoit trop controversé de son temps et trop important en lui-même, pour qu’il ne fît que l’indiquer en se servant d’une expression équivoque.”

Во-первых, допуская, что Платон верил в движение земли, можем ли мы также предположить, что он обязательно утверждал бы это с отчетливостью и ударением, как утверждает М. Кузен? Я думаю, что нет. Группа утверждает прямо противоположное; говоря нам, что язык Платона был намеренно неясным и двусмысленным — из страха вступить в открытый конфликт с благочестивыми и ортодоксальными чувствами, преобладающими вокруг него. Я не рассматриваю эту часть дела так далеко, как Gruppe, но я признаю, что она покоится на фундаменте реальности. Когда мы читаем (Плутарх, "О внешнем облике Луны", стр. 923), как движение земли, подтвержденное Аристархом Самосским (несомненно, в гораздо большем смысле, чем когда-либо предполагал Платон, включая как вращение, так и перемещение), впоследствии было осуждено как вопиющее нечестие, мы понимаем атмосферу религиозных взглядов, которой был окружен Платон. И мы также понимаем, что у него могли быть причины предпочесть указывать на астрономическую ересь в терминах, подходящих для слушателей-философов, а не провозглашать ее такими решительными, недвусмысленными словами, какие мог бы процитировать какой-нибудь будущий Мелетус в случае предъявления обвинения Дикастам.

Мы должны помнить, что Платон действительно присутствовал на суде над Сократом. Он слышал, как обвинители подчеркивали астрономическую ересь, аналогичную ереси Анаксагора, которую они приписывали Сократу, и какие усилия прилагал последний, чтобы отрицать, что придерживался таких взглядов (см. "Апологию Платона"). Впечатление, произведенное такой сценой на разум Платона, вряд ли могло исчезнуть навсегда: нас также не может удивлять, что он предпочитал использовать положения, которые включали и подразумевали, а не те, которые прямо и нескрываямо утверждали еретическое учение о вращении земли. То, что его фразеология, какой бы косвенной она ни была, была прекрасно понята современными философами, как согласными, так и несогласными, как воплощающая его веру в доктрину, подтверждается двумя отрывками из Аристотеля.

Только по этим причинам я должен не согласиться с шестым аргументом месье Кузена. Но у меня есть и другие причины. Он основывает это на двух утверждениях о том, что учение о

движении земли было предметом многочисленных противоречивых дискуссий во времена Платона и имело большое значение само по себе. Первое из этих двух утверждений едва ли может быть доказано относительно времени Платона; ибо Аристотель, когда он утверждает неподвижность земли, не указывает никаких других противников, кроме пифагорейцев и последователей платоновского Тимея. И второе утверждение, которое я считаю необоснованным, говоря со ссылкой на платоновского Тимея. В воплощенной в нем космической системе вращение земли вокруг космической оси, хотя и было реальной частью системы, само по себе не имело значения и не определяло результатов. Основным фактом системы было положение и функция земли, плотно прилегающей к центру космической оси и регулирующей вращения этой оси. У Платона не было мотива выдвигать на первый план то обстоятельство, что земля вращается сама по себе вместе с космической осью, и это обстоятельство было лишь случайным сопровождением.

Таким образом, я рассмотрел все аргументы, приведенные г-ном Кузеном, и попытался показать, что они не подтверждают его заключения. Однако есть один спорный момент, в котором я согласен с ним больше, чем с Бекем и Мартином. Этот момент является правильной концепцией того, что Платон подразумевает *подкосмической осью*. Бек и Мартин, кажется, предполагают это по аналогии с тем, что сейчас называется осью земли: М. Бек (стр. 13) объявляет ось космоса продолжением этой оси. Но мне кажется (и язык М. Кузена указывает на то же самое), что концепция Платона была чем-то совершенно иным. Ось земли (то, о чем астрономы говорят как о таковой) - это воображаемая линия, пересекающая центр земли; линия, вокруг которой вращается земля. Итак, космическая ось, как ее понимает Платон, представляет собой твердый материальный цилиндр, который не только вращается сам, но и вызывает этим вращением вращение внешней окружности космоса. Это концепция, совершенно отличная от той, которую мы имеем в виду, когда говорим об оси земли. Однако это концепция, символически изложенная в десятой книге "Республики", где говорится, что веретено Необходимости состоит из адаманта, твердого и основательного материала, и своим собственным вращением вызывает вращение всех *вертицилл*, упакованных и закрепленных вокруг него. То, что таким образом провозглашается в Республике, подразумевается в "Тимее". Ибо, когда мы читаем в нем, что земля уплотнена или закреплена вокруг космической оси, как мы можем понимать, что она уплотнена или закреплена вокруг воображаемой линии? Добавлю, что то же самое значение приводится в переводе Цицерона — "*trajecto axe sustinetur*" (земля). Ось, вокруг которой закреплена земля и которая поддерживает землю, должна быть понята не как воображаемая линия, а как твердый цилиндр, который сам вращается; в то время как земля, будучи закреплена вокруг него, вращается вокруг него и вместе с ним. Ось, в смысле воображаемой линии, не может быть найдена в концепции Платона.

Те современники Платона и Аристотеля, которые все были согласны в утверждении вращения небесной сферы, не все были согласны в своем представлении о силе, посредством которой была произведена такая революция. Некоторые считали, что полюса небесной сферы обладают определяющей силой; другие символизировали мифический Атлас как ось, пересекающую сферу от полюса к полюсу и поворачивающую ее. (Aristotel. De Motu Animal. 3. стр. 699 а. 15-30.) Сам Аристотель отстаивал теорию *primum movens immobile*, действующего на сферу извне сферы. Даже в последующие столетия, когда астрономия была более развита, Арат, Эратосфен и их комментаторы расходились в своем понимании космической оси. Большинство из них считали его твердым; но из них одни думали, что он неподвижен, а сфера вращается вокруг него, другие — что он вращается сам по себе; опять же, среди этих последних одни верили, что

вращения оси определяют вращения окружающей сферы, другие — что вращения сферы вызывают вращения оси внутри нее. Опять же, там были какие-то физические философов, которые смотрели на оси, воздушный или духовно — τὸ διὰ μέσου τῆς σφαίρας διήκον πνεῦμα. Затем были геометры, которые понимали это только как воображаемую линию. (См. Феномены Арата 20-25 - со Схолией на них; Ахиллес Татий и Аратийский феномен. apud Petavium — Uranolog. p. 88; also Hipparchus ad Arat. ib. p. 144.) Я не хожу в эти имеющим отличное мнение мнения дальше, чем показать, насколько незаменим он, когда мы рассматриваем прохождение в Платоновском "Тимее", περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον, чтобы спросить, в каком смысле Платон понимал космической оси: и как он опасен предположить, что он, должно быть, задумана как воображаемая линия.

Проклус утверждает, что, поскольку Платон в "Федоне" упоминает землю как неподвижную в центре неба, мы не можем представить, чтобы Платон утверждал ее вращение в "Тимее". Я согласен с М. Воескh, думая, этот аргумент неубедительным, тем более, потому что, в Phædon, ни слова не сказал ни о оси космос, или о вращении космос; все, что сократовским исповедует давать τῇ ἰδέαν τῆς γῆς καὶ τοὺς τόπους αὐτῆς (стр. 108 e). В этом диалоге не выдвигается никакая космическая система или теория.

Когда мы обращаемся к Федру, мы обнаруживаем, что в его в высшей степени поэтичном описании вращение небес занимает видное место. Упоминаются внутренняя окружность небесной сферы, а также ее внешняя окружность или обратная сторона (νῦτον); также ее периодические вращения, во время которых боги носятся по кругу на обратной стороне неба и созерцают вечные Идеи, занимающие сверхнебесное пространство (стр. 247, 248), или равнину истины.⁵ Но цель этого поэтического представления, по-видимому, метафизическая и интеллектуальная - проиллюстрировать противоположность, представленную миром Идеи и Истины, с одной стороны, — миру чувств и видимостей, с другой. С точки зрения астрономии и космоса, рассматриваемого, никакого вразумительного значения это не имеет. Мы также не можем даже определить, являются ли небесные вращения, упомянутые в "Федре", суточными или нет; я склонен полагать, что нет (μέχρι τῆς ἑτέρας περιόδου — стр. 248 — что вряд ли можно понять за такой короткий промежуток времени, как один день). Наконец, в "Федре" ничего не говорится о космической оси; и именно от нее зависят вращения земли, упомянутые в "Тимее".

⁵ Можно ли считать, что Ἐπία в Федре, который, как сказано, “остается один неподвижным в доме Богов”, означает Землю, Прокл считает неопределенным (стр. 681).

Среди различных иллюстраций, приведенных Платоном в его различных диалогах о земных и небесных телах, я выбираю десятую книгу "Государства" как наиболее подходящую для сравнения с "Тимеем", потому что только из нее мы узнаем, как Платон представлял ось космоса. М. Бек (Untersuchungen, стр. 86) желает, чтобы мы считали разницу между точкой зрения, принятой в "Федоне", и точкой зрения, принятой в "Республике", никоим образом не важной; он утверждает, что адамантиновое веретено в "Республике" полностью мифическое или поэтическое, и что Платон воспринимает ось как нематериальную. По этому вопросу я не согласен с М. Бек. Мифические иллюстрации в десятой книге "Республики" кажутся мне совершенно неподходящими для теории воображаемой, неподвижной и нематериальной оси. Здесь я гораздо больше согласен с Группе (стр. 15, 26-29), который признает твердую материальную ось существенной чертой космической теории в Республике; и признает также

заметную разницу между этой теорией и тем, что мы читаем в "Федоне". И все же, хотя Группе осознает это важное различие между Республикой и Федоном, он все же хочет проиллюстрировать Тимея последним, а не первым. Он утверждает, что земля в "Тимее" мыслится как не привязанная и свободно подвешенная, как и в "Федоне"; но что в "Тимее" она мыслится, кроме того, как вращающаяся вокруг своей собственной оси, чего мы не находим в "Федоне" (стр. 28, 29). Здесь, я думаю, Группа ошибается. В толковании слова *Timæus*, εἰ λομένην (ἰ λομένην) περὶ τὸν διὰ παντὸς πόλον τεταμένον, как обозначающее "неприсоединенной Земля вращается вокруг своей собственной оси," он совершает насилие не менее к тексту Платона, чем к разъяснительное замечание Аристотеля. Ни в том, ни в другом ничего не говорится об *оси земли*; в обоих отчетливо обозначена космическая ось; и, если Группе прав в своей интерпретации εἰ λομένην, мы должны считать, что Платон утверждает не то, что земля прикрепленна вокруг космической оси, а то, что она вращается, хотя и не привязана, вокруг этой оси, что является утверждением, которое трудно понять и не приводит ни к одному из тех астрономических следствий, с которыми Группа связала бы это. Опять же, когда Группе говорит, что εἰ λομένην περὶ не означает *упакованный или скрепленный круг*, но что это действительно означает *вращающийся круг*, он имеет против себя как аналогии этого слова, так и других комментаторов. Главное, если не единственное доказательство, которое он приводит, заключается в том, что Аристотель так истолковал это. По этому вопросу я присоединяюсь к его спору. Я утверждаю, что Аристотель не понимает εἰ λομένην или *λλομένην περὶ* как естественно означающие *вращение по кругу*, и что он понимает эту фразу как означающую *закрепленную по кругу*. Когда мы его найдем, во втором отрывке из трактата *de Cœlo*, не устраивает глагол ἴλλεσθαι один, но к нему прибавляется второй глагол καὶ κινεῖσθαι, мы можем быть уверены в том, что он не считает ἴλλεσθαι так же естественно и правильно, обозначающий, *чтобы вращаться и двигаться вокруг*.

Соглашаясь с Группе в его мнении, что интерпретация, предложенная Аристотелем, является лучшим доказательством, которому мы можем следовать при определении значения этого отрывка из "Тимея", я утверждаю, что авторитет Аристотеля противоречит, а не оправдывает вывод, к которому он приходит. Аристотель понимает *λλομένην* как значение, *упакованное или скрепленное по кругу*; он не понимает его как значение, взятое само по себе, *вращающееся по кругу*.

Указанные здесь два значения, несомненно, различны и независимы. Но не по этой причине они противоречивы и несовместимы. Ошибкой критиков было считать их несовместимыми; так что, если допустить одно из двух, другое должно быть отвергнуто. Я попытался показать, что это не универсальная истина и что существуют определенные обстоятельства, при которых эти два значения не только могут, но и должны совпадать. Так обстоит дело, когда мы возвращаемся к концепции Платона о космической оси как о твердом вращающемся цилиндре. То, что упаковано или закреплено вокруг цилиндра, должно вращаться вокруг него и вместе с ним.

Оба М. Бек и Группа предполагают несовместимость двух значений; и мы находим то же предположение в критических замечаниях Плутарха к Тимею (Plutarch. *Quæst.* Платон. стр. 1006 С), где он обсуждает то, что Платон подразумевает под *χρόνου ὄργανα*; и в чем смысл земли, как и луна могут считаться *ὄργανον χρόνου* (*Timæus*, стр. 41 Е, Д 42). Плутарх спрашивает, как возможно, что земля, если она неподвижна и находится в покое, может быть охарактеризована как "один из инструментов времени"; и он объясняет это тем, что это верно в том же смысле, в каком мы называем гномон или солнечные часы инструментом времени, потому что, хотя сами

они никогда не движутся, они отмечают последовательные движения тени. Это объяснение может быть приемлемым по фразе ὁρῶντον χρόνον; но я не думаю, что неподвижность Земли может быть совместим с атрибутом, который Платон наделяет его бытия φύλαξ δημιουργὸς τε καὶ νυκτὸς καὶ ἡμέρας.

Трудность, однако, исчезает, когда мы понимаем функцию, приписываемую Платоном земле, как я пытался ее объяснить. Земля не только не находится в покое, но и не может находиться в покое именно потому, что она упакована вокруг твердой вращающейся космической оси и должна вращаться вместе с ней. Функция земли, как первого и старейшего из внутрикосмических божеств, заключается в поддержании и регулировании вращений этой оси, от которой зависят вращения звездной сферы, или внешней оболочки космоса. Именно в силу этой регулирующей функции (а не в силу своего вращения) земля является хранителем и творцом дня и ночи. Это не только “инструмент времени”, но и самый мощный и повелевающий из всех инструментов времени.

То, что только что было изложено, является, по моему убеждению, теорией платоновского Тимея, обозначенной словами этого диалога и воплощенной в комментарии Аристотеля. Комментаторы, следовавшие за Аристотелем, насколько мы их знаем, понимали теорию в смысле, отличном от того, что предполагал Платон. Я думаю, мы можем увидеть, как возникло это неправильное представление. Она возникла в результате большого развития астрономической теории в течение двух или трех поколений, непосредственно следовавших за Платоном. Многое было добавлено Евдоксом и другими в их теории концентрических сфер; еще больше - другими, о которых мы читаем у Цицерона (Academ. II. 39). “Hicetas Syracusius, ut ait Theophrastus, coelum, solem, lunam, stellas, supera denique omnia, stare censet, neque praeter terram rem ullam in mundo moveri: quae cum circum axem se summâ celeritate convertat et torqueat, eadem effici omnia, quae si stante terrâ coelum moveretur. Atque hoc etiam Platonem in Timaeo dicere quidam arbitrantur, sed paullo obscurius.” Говорят, что той же доктрины придерживался Гераклid Понтийский, современник Аристотеля, и другие последователи его. (Simplikios ad Aristot. Физика. стр. 64 — Де Коэло, стр. 132 — Плутарх. Плац. Фил. III. 13.) Учение о вращении Земли появляется здесь наряду с другим учением — о неподвижности звездной сферы и небесных тел. Они представлены вместе, как соответствующие части одной и той же астрономической теории. Небесных оборотов нет, и, следовательно, нет твердой небесной оси. Более того, даже Аристарх Самосский (который пришел к теории, по существу совпадающей с теорией Коперника, с двойным движением Земли, вращением вокруг собственной оси и перемещением вокруг солнца как центра) появился менее чем через столетие после смерти Платона.

Хотя *квидам*, на которого ссылается Цицерон, рассматривал неясное предложение из “Тимея” Платона как смутное указание на теорию Гикеты, однако они сходятся только в предположении о вращении земли и существенно различаются по распространенным космическим концепциям. Хикета отчетливо излагает как то, что отрицает его теория, так и то, что она подтверждает. Отрицание небесных вращений является в его теории основным пунктом, по которому он противоречит как Платону, так и Аристотелю, а также очевидным доказательствам смысла. Я не могу предположить, что эта теория могла быть провозглашена или известна Аристотелю, когда создавались его труды: ибо небесные вращения являются краеугольным камнем его системы, и он вряд ли мог воздержаться от борьбы с доктриной, которая полностью их отрицала. В руках Хикета (возможно, в руках Гераклida, если мы можем верить тому, что о

нем говорят) астрономия рассматривается как наука сама по себе, с целью “выдвинуть такие гипотезы, которые могут спасти явления” (σώζειν τὰ φαινόμενα, Simpl. ad Aristot. De Coelo, p. 498, Schol. Брандис). Оно становится отделенным от тех религиозных, этических, поэтических, телеологических, арифметических постановлений или фантазий, в которые мы видим его погруженным в платоновском "Тимее" и даже (хотя и в несколько меньшей степени) в аристотелевском трактате "De Coelo". Следовательно, значение Платона, неясно озвученное с самого начала, перестало быть понятно: твердая вращающаяся ось Космоса, принятая без явного подтверждения в его "Тимее", выпала из поля зрения: доктрина вращения земли была представлена с новой точки зрения, как замена небесных вращений. Но этот переход не был должным образом учтен. Предполагалось, что доктрина Платона совпадает с доктриной Гикеты.

Когда мы читаем критику Плутарха (Quæst. Plat. стр. 1006 С) по поводу слова ἡλιομένην мы видим, что он ставит перед собой вопрос следующим образом— “Представляет ли Платон в "Тимее" землю как собранную воедино и неподвижную — или как вращающуюся, что согласуется с последующей теорией Аристарха и Селевка?” Здесь мы обнаруживаем, что Плутарх рассматривает альтернативу таким образом— либо земля вообще не вращается, либо она вращается так, как это понимал Аристарх. Та или иная из этих двух позиций, должно быть, была изложена Платоном в "Тимее". — Так мы читаем у Плутарха. Но факт в том, что Платон не имел в виду ни то, ни другое. Вращение земли вокруг твердой космической оси, которое он утверждает в "Тимее", — это явление, совершенно отличное от вращения земли как свободного тела вокруг воображаемой линии, называемой его собственной осью, что было доктриной Аристарха.

Когда толкователи во времена Плутарха и после него спрашивали, подтверждает ли платоновский Тимей вращение земли, они имели в виду обозначение вращения земли в смысле Аристарха и в том смысле, в каком современная астрономия понимает этот главный факт. Теперь, говоря языком современной астрономии, я считаю несомненным, что вращение землине подтверждается в платоновском "Тимее"; и я согласен с М. Бокх, когда он говорит (Untersuch. стр. 77): “Допуская, что Аристотель приписывал Платону учение о вращении земли, он, по крайней мере, не приписывал ему учение, как предполагает Группа и как оно понимается сейчас”. Что касается Группы, которая считает, что платоновский Тимей подтверждает вращение земли и что Аристотель приписывает это ему в нашем смысле этих слов, и м. Бека, который отрицает это, я стою на стороне последнего за отрицание. Но когда М. Бек предполагает, что единственной альтернативной доктриной является неподвижность земли, и пытается показать, что эта доктрина провозглашена в платоновском "Тимее" — более того, что никакая противоположная доктрина не *может* быть провозглашена, потому что в рассуждении прямо говорится о вращении звездного неба за двадцать четыре часа, - я вынужден не согласиться с ним в отношении вывода и отрицать убедительность его доказательства. М. Бек вряд ли задавал себе вопрос, не было ли какого—то другого смысла, в котором Платон мог бы подтвердить это в "Тимее". Тимей. Я попытался показать, что был и другой смысл; что у Платона есть хорошие аналогии, оправдывающие веру в то, что он намеревался утвердить доктрину в этом другом смысле; и что комментарии Аристотеля — хотя и вполне уместные, если мы таким образом понимаем отрывок из "Тимея" — становятся либо неуместными, либо нечестными, либо абсурдными, если мы истолковываем этот отрывок как обозначающий либо то, что утверждает М. Бек, либо то, что утверждает Группа.

Выдающиеся критики, мнения которых я здесь оспариваю, были, по-видимому, введены в заблуждение превосходными астрономическими познаниями нынешнего века и слишком поспешно сделали интеллектуальные потребности своих собственных умов стандартом для всех других умов, как в разные эпохи, так и на разных уровнях развития. Перед нами стоит вопрос не о том, какие доктрины являются научно верными или научно совместимы друг с другом, а о том, какие доктрины были подтверждены или подразумевались Платоном. Интерпретируя его, мы должны сохранять независимость своего разума от последующих астрономических теорий. Мы должны обратиться, прежде всего, к тому, что сказано самим Платоном; затем, если это неясно, к построению и комментариям его современников, насколько они есть у нас. Ни в коем случае это не является более существенным, чем в доктрине вращения земли, которая в современном сознании достигла надлежащего уровня научной значимости и стала связана с побочными следствиями и ассоциациями, чуждыми идеям древних пифагорейцев, или Платона, или Аристотеля. Пока мы не отвлечемся от этих более поздних ассоциаций, мы не сможем правильно понять доктрину в том виде, в каком она изложена в платоновском "Тимее".

Эта доктрина, как я пытался ее объяснить, приводит к поучительному контрасту между космическими теориями Платона (в "Тимее") и Аристотеля.

Платон представляет космос как единое одушевленное и разумное существо, или бога, состоящего из тела и души. Его тело приводится в движение и управляется его душой, которая зафиксирована или укоренена в центре, но простирается по окружности со всех сторон, а также по всему внешнему миру. Он имеет постоянное круговое вращение в одном и том же неизменном месте, что является видом движения, наиболее достойным рационального и разумного существа. Обороты внешней или звездной сферы (что одно и то же по Окружности) зависят от оборотов твердого цилиндра или оси, которая пересекает космос по всему его диаметру, и определяются ими. Помимо них, существуют различные внутренние сферы или круги (Circles of the Different), которые вращаются под действием отчетливых и переменных импульсов в направлении, противоположном звездной сфере. Этот последний настолько могущественнее их, что увлекает их за собой повсюду; и все же они в определенной степени совершают свое собственное особое противоположное движение, которое приводит к постоянному изменению их положения и усложнению всей системы. Но главное, равномерное, всепоглощающее движение космоса состоит во вращении твердой оси, которая определяет вращение внешней звездной сферы. Импульс или побуждение к этому движению исходит от космической души, которая имеет свой корень в центре. Как раз в этой точке расположена Земля, "древнейшее и наиболее почитаемое из внутрикосмических божеств", расположенное вокруг центра оси и имеющее своей функцией охранять и регулировать те вращения оси, а через них и вращения внешней сферы, от которых зависит смена дня и ночи, а также вскармливать человечество.

Во всем этом мы видим, что правящий принцип и сила космоса (τὸ ἡγεμονικὸν τοῦ κόσμου) созданы для того, чтобы пребывать *в его центре*.

Когда мы обращаемся к Аристотелю, мы обнаруживаем, что правящий принцип или сила космоса находится не в его центре, а по его окружности. Он не признает твердой вращающейся оси, пересекающей весь диаметр космоса. Внутренность космоса занята четырьмя элементами — землей, водой, воздухом, огнем, — ни один из которых не может вращаться иначе, как с помощью насилия или под давлением посторонней силы. Для каждого из них прямолинейное

движение *естественно*; земля естественным образом движется к центру — огонь естественным образом движется к окружности, удаляясь от центра. Но периферийная субстанция космоса радикально отличается от четырех элементов: вращательное движение по кругу для нее *естественно* и является единственной разновидностью естественного для нее движения. Тем, что оно вообще приводится в движение, оно обязано *движущему импримитум* *movens immobile*; но они оба вечны, и у движения нет ни начала, ни конца. Тем, что при перемещении его движение является вращательным, а не прямолинейным, он обязан своей собственной природе. Она вращается постоянно, благодаря своей собственной природе и присущим ей достоинствам, а не сдерживающему давлению, исходящему из центра или от души. Если бы требовалось принуждение — если бы существовала какая-либо противоположная тенденция, которую следовало преодолеть, — вращающаяся периферия устала бы и требовала периодов отдыха; но, поскольку при вращении она подчиняется только своей собственной природе, она сохраняется вечно, не зная усталости. Эта периферийная, или пятая, постоянно вращающаяся сущность является божественной, почтенной и господствующей частью космоса, более величественной и почитаемой, чем внутренние части или центр. Аристотель излагает это (*De Cœlo*, ii. 13, стр. 293, b. 10) в явной противоположности пифагорейцам, которые (подобно Платону) рассматривали центр как точку величия и командования, помещая огонь в центр по этой причине. У земли нет позитивной космической функции по Аристотелю; она занимает центр, потому что все ее части естественным образом движутся к центру: и она неподвижна, потому что в центре *должно быть* что-то, что всегда неподвижно, как противоположность пятой сущности или периферийной субстанции космоса, которая находится в постоянном вращении по своей собственной неизменной природе.

Здесь я не вдаюсь далее в изложение этих древних космических теорий. Я обратился к доктрине Аристотеля лишь постольку, поскольку это было необходимо для разъяснения, напротив, того, что, как я полагаю, является значением платоновского "Тимея" о вращении земли.

ЛОНДОН: ИЗДАТЕЛЬСТВО "У. КЛОУЗ И СЫНОВЬЯ", СТЭМФОРД-СТРИТ,
И ЧАРИНГ-КРОСС.

Примечание переписчика

Эта HTML-версия изначально была подготовлена для онлайн-проекта Grote Эдом Брэнденом по томам из интернет-архива. Он очень многим (своей таблицей стилей) обязан версиям проекта Gutenberg *Британской энциклопедии 1911 года*, созданным Доном Крецем и другими.